

ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.Н. Дьяков

МОРО МЕЖДУ АЛЬ-АНДАЛУСОМ И ИСПАНИЕЙ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

*Молю тебя, Любовь, живи, меня храня,
пока любимый мой далёко от меня,
в Гранаде.*

*Не оставляй меня, пока любимый мой
в Гранаде с маврами ведет жестокий бой,
в Гранаде.*

*Не оставляй меня, пока в той битве он
всех мавров не сразит иль не возьмет в полон,
в Гранаде...*

[Рой Мартинс до Казал1995: 189]

«Диалог цивилизаций», «межкультурные коммуникации» стали в последнее время расхожими категориями, причем не только в политических или академических кругах. Поиск путей взаимопонимания, взаимотерпимости, толерантности — одно из ведущих направлений современных исследований, в том числе в антропологии, этнологии и «примкнувшем к ним» востоковедении.

Христианско-исламский диалог сегодня — один из важных аспектов подобных исследований, роль ислама в истории Европы и России вряд ли кто будет всерьез отрицать. Показательно, что значительное число работ в этой области, выходящих прежде всего в Европе, имеют характерный подзаголовок: «история непонимания», «черты противостояния», «формирование образа врага» и т.п.

Ислам у границ Европы, в том числе у восточных и юго-западных ее рубежей, всегда вызывал интерес литераторов и ученых. Особое место здесь занимает опыт взаимодействия православной России с тюрко-мусульманским миром, а католической Испании — с арабомавританской культурой.

В опыте этом немало общего. Между тем А.С. Пушкин еще в 1834 г. писал: «Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Этот, по выражению Р.Г. Ланды, «косвенный комплимент» маврам Аль-Андалуса, как и многие другие следы мавританского или, чаще, «псевдомавританского стиля» в культуре России и Запада, заставляет вновь обратиться к теме мавров, т.е. испанских *мор* [Ланда 1993: 9].

Моро — рожденный эпохой Реконкисты образ чужака-захватчика, иноверца-мусульманина, веками мифологизированный, подчас романтизированный, — стал частицей духовного наследия Испании, Португалии, а благодаря им — и всего иберо-латинского мира.

Пришедший из латинского *taurus* и из более древнего — греческого *маурос* или даже *амаурос*, этот термин восходит к финикийско-пуническому *махур*. Так выходцы из Ханаана, а затем и Карфагена именовали коренное *темнокожее, смуглое* население западных областей Берберии — жителей нынешнего Алжира и Марокко. (В некоторых городах Магриба слово «махур» и сегодня звучит в названиях кварталов и предместий. — Н.Д.)

Задолго до ислама и начала арабского завоевания Испании римляне и вестготы называли *маврами* (*маурос*) всех обитателей Северной Африки: *берберов, пунов* (*пунийцев*), местных потомков от чернокожих и мулатов (от араб. *муваллад* — «урожденный», «рожденный» (от чужака, иноверца).

Позже, в ходе Реконкисты, маврами — *моро* — христиане Иберийского полуострова и их европейские соседи-единоверцы стали также называть арабов, а в конце концов и всех мусульман.

Термин *моро*, пишет один из испанских исследователей проблемы Мигель Анхель де Бунес Ибарра, в первую очередь применяли к оседлому населению — горожанам и селянам — Берберии. Правда, давно существуют разногласия в этом вопросе. Одни считают, что *моро* — это мусульмане, другие — что африканцы, уроженцы Берберии. Со временем так стали называть арабов-мусульман, придавая этому термину исключительно религиозный смысл.

В широком смысле *моро* — это средний класс, основная масса мусульманского населения Аль-Андалуса. Они, полагают испанцы, более

покладисты и менее жестоки, чем турки, более образованны и культурны, чем арабы или берберы. Это объясняется связью *морос* с городской культурой древней Берберии. Когда они захватили Иберийский полуостров, то смогли вернуться к традиционному образу жизни. В общем, они — полная противоположность испанцам, и этот антагонизм нашел отражение в хрониках, письменной и устной традиции местного населения, отмечает Де Бунес Ибарра [De Bunes Ibarra 1989: 119].

В эпоху Крестовых походов и Реконкисты на западе Средиземноморья термин *морос* обрел тот же смысл, что и более близкие европейцам, знакомым с «магометанским Востоком», слова *сарацин*, *агарянин* и т.п. В то же время собственно *морос* всегда сохраняли африканский, а точнее «варварийский» — сколь экзотический и «взрывоопасный» — дух...

В недавно вышедшей в русском переводе книге «Европа и ислам. История непонимания» итальянский историк-медиевист из Флоренции Франко Кардини приводит анализ «познания друг друга» миром христианства и исламом, причем отмечается, что обе стороны шли на этом пути «далеко не вровень...»

Постепенное открытие европейскими христианами «другой реальности» Ф. Кардини относит к «положительным результатам, достигнутым благодаря ряду событий, в которых Крестовые походы (как и Реконкиста. — *Н.Д.*) являлись военным аспектом, тесно связанным... с аспектами социальными и религиозными» [Кардини 2007: 108].

В древнем европейском эпосе, пишет Ф. Кардини, религия тех, кто — в зависимости от случая — назывался *сарацинами*, *агарянами*, *исмаилитами*, *арабами*, *маврами*, *берберами*, *турками*, *персами*, «азонардами» (*эфиопами*) или еще более причудливыми именами, обозначалась одним словом — «язычники».

Имена «языческих героев» обычно говорят об их связи с областью магического и демонического: Агратарт, Локиферт, Нойрон и т.п. Их внешний облик содержит не только человеческие черты, пусть даже искаженные и зловещие, в нем преобладают черты *сверхчеловеческие*, *нечеловеческие* и *античеловеческие*. Часто язычник — это великан (что отсылает к античной традиции, а также к Св. Писанию — к истории о Голиафе: гигантский рост, как правило, — демоническая черта).

Даже если сарацины, мавры не великаны, они все равно выделяются чудовищным, демоническим обликом: они черные, рогатые, с оскаленными зубами... Важен черный, темный цвет кожи «язычников» — исп. *морос-морено*. (Даже черная шелковица в Испании — *morena*. — *Н.Д.*)

Возможно, это было результатом наблюдения за африканцами, которых было немало среди рабов или солдат, особенно в Египте и Испании.

Лишь гораздо позднее с черным цветом кожи будут ассоциироваться типично африканские черты: курчавые волосы, пухлые губы, приплюснутый нос. Черный цвет кожи *агарян* — поначалу это цвет кожи жителей Йемена, Нубии, Сахары. Однако он в первую очередь имеет дьявольскую коннотацию, которая происходит от традиции апологетов христианства и святых отцов изображать демонов как египтян или эфиопов.

«Этот образ утвердился очень быстро, и слово *maurus*, обозначающее жителей Мавритании, стало говорить не только об этнической принадлежности (*мавры, los moros*), но также — с небольшими вариациями в немецком и в некоторых романских языках — вообще о темном цвете кожи и волос. Даже знамена, которые христианская фантазия приписывает мусульманам, имеют жуткий, магически-дьявольский вид: на них изображены головы мавров, змеи, драконы, скорпионы...» [Кардини 2007: 111].

Мавры, сарацины — все они слуги дьявола, утверждают западноевропейские эпосы эпохи Реконкисты и первых Крестовых походов («Песнь о Роланде», «Коронавание Людовика» — «*Coronemenz Loois*» и др.). Это подтверждают сверхъестественные явления, которыми сопровождается их смерть, например: «если сарацин погибает в сражении, за его душой приходят демоны. Если оружие христиан защищено реликвиями и благословением, то сила оружия сарацин зависит от использования магических обрядов, драгоценных камней и волшебных трав...» [Кардини 2007: 111].

Этика «язычников», справедливо пишет Ф. Кардини, представлялась как христианская этика, вывернутая наизнанку... Достаточно вспомнить, что, по представлениям мусульман-«мавров», именно благодать Божия — *барака* — дарует удачу праведному, его оружию, коню, дому и т.п. (Обладатель бараки в свою очередь получает прозвище «мабрук» — благословенный (араб.)).

Реконкиста в Испании рождалась на севере — в Астурии и других небольших королевствах. Только с XI в. наступление с севера стало «сознательно идентифицироваться» с утверждением христианства. Тогда же и мусульмане стали осознавать себя защитниками земель ислама.

Все более обращаясь к вере, христиане севера обрели в культе Сант-Яго (Св. Иакова Компостельского) источник божественной силы и победы. Одновременно они не пренебрегали материальной основой военных успехов и по возможности перенимали у мусульман оружие, военную технику, а также другие стороны более высокой цивилизации, с которой они враждовали. Реконкиста, движение за отвоевание своих земель, стремление быть христианской Испанией нашли в культуре аль-Андалуса элементы, которые, соединившись, дали их внешний облик.

Сами эти элементы также не были чуждыми, поскольку были почерпнуты из симбиоза арабо-мусульманского и иберийского обществ. Сложный комплекс культурных отношений лежит также в основе таких явлений, как трубадуры и некоторые концепции рыцарства. «Нельзя сказать, какая именно черта здесь принадлежит Востоку, а какая — Европе, поскольку взаимопроникновение этих двух направлений было так велико, что выявить теперь абсолютные различия между ними просто невозможно. Так или иначе, этот союз породил творческое горение, которое выросло в невиданное пламя...» [Уотт, Какиа 1976: 179].

Примечательно, что на севере полуострова, там, где рождалась Реконкиста и куда практически не ступала нога сарацина, образ *моры* получил свое развитие. «*Os Mouros*», как именуют *моры* португальцы и галисийцы (*gallego*), занял в культуре и фольклоре этих народов, пожалуй, не меньшее место, чем у жителей южной Андалусии.

Как и в других областях полуострова, *моуро* означает в Галиции, особенно в сельской глубинке, не просто «темный», «черный», но имеет к тому же явно негативный оттенок.

Моро на севере и северо-западе полуострова стали персонажами народной культуры, истории. Им приписывают сооружение многих старинных построек, ныне лежащих в руинах, древних святилищ, как правило относящихся к доисламской древности, памятникам иберокельтского, пунического, римского, висиготского и т.п. происхождения.

Здесь, на севере, *моры* широко представлены также в местной мифологии. Они, по убеждению местных жителей, обитают в подземелье, правда, иногда выходят наверх, и можно даже увидеть, как они сушат одежду. *Моро*, или *моуро* на севере, конечно, не христиане, но их далеко не всегда считают и мусульманами. Чаще всего им приписывают всевозможные сверхъестественные, демонические черты, а также обладание сказочными сокровищами (*tesoro moro*).

Моро вступают во всевозможные контакты с людьми, помогают пасти скот (например, свиней), иногда крадут его, являются на ярмарки, где покупают вино, пристают к женщинам и т.п. *Моро*, считают в этих местах, очень опасны и готовы убить любого, кто не принадлежит к их роду [Fanjul 2002: 208–212].

Здесь, безусловно, напрашивается параллель образа *моры*, сформировавшегося на Иберийском полуострове, и, видимо, его древнего прототипа — *джинна* Магриба — исторической родины *моры* как таковых.

Превратности судеб в условиях взаимодействия и противостояния культур нашли отражение практически во всех жанрах литера-

туры жителей Иберийского полуострова в разгар боев Реконксты и джихада.

Сложившиеся под влиянием поэтической традиции Востока, *испанские романсеро* принимают вид *пограничных романсов*, в которых образ вполне осязаемых, коварных и доблестных мавров-*моро* встречается буквально в каждой строке.

Так, в средневековой кастильской «Песне короля мавров» звучит:

*Валенсия, ах, Валенсия!
Валенсия, валенсианка!
Вчера была мавританкой,
сегодня ты христианка.
Но скоро вернутся мавры,
я это тебе предрекаю,
королю христиан я саблей
бороду обкорнаю.
Супруга его, королева,
в служанках моих завянет,
а дочь его, недотрога,
наложницей моей станет...* [Клятва 1991: 65].

Как известно, Валенсия окончательно перешла к христианам в 1238 г., между тем местные мусульмане, *моро*, поддерживая новых правителей, еще долго имели в ней свой обширный квартал (*морерия*), где занимались ремеслами и торговлей, сохраняя язык и обычаи предков. (Это название — *moreria* — и сегодня сохраняют бывшие «мавританские» кварталы испанских городов.) Более высокое качество их продукции в условиях конкуренции вызывало даже бунты ремесленников-христиан, в том числе знаменитую *валенсианскую эрмандаду* 1519–1522 гг. В 1609 г. епископ Валенсии Хуан де Рибера писал Филиппу II: «Выгоды духовные и светские необходимо требуют изгнания мавров; иначе мавры в непродолжительном времени завладеют всеми богатствами королевства; ибо не только в их руках находится промышленность, но они бережливы и воздержанны, работают за небольшую плату и довольствуются барышом весьма умеренным, чего невозможно испанцам...» [Ланда 1993: 67].

Лирические «*Мавританские романсы*» (например, «О Мусе», «О Саиде», «О Фатьме и Редуане»), романсы о мавританской принцессе Мориане рисуют в свою очередь горести безнадежной любви, разбивающей сердца юных, разделенных верой:

*От Кармоны на Севилью
вдоль реки поспешно шел
Вальдовинос, франк отважный,
с мавританкой молодой.
Он оглядывался часто,
нет ли мавров за спиной,
против недругов он шагу
обнажил бы в миг любой...*

На этом фоне не вызывают удивления обращенные друг к другу слова возлюбленных:

— *Для тебя я христианкой
стать готова, милый мой!*

— *Я же для тебя, сеньора,
тотчас мавром стать готов!..* [Клятва 1991: 80 и др.].

Окончание Реконкисты, падение Насридской Гранады (1492) открыли «золотой век» испанской истории, который был отмечен великими морскими экспедициями и открытиями XVI–XVII вв. и, конечно, наполнением испанской казны золотом с Востока и Запада. Одной из главных целей, которую преследователи католические монархи «золотого века», прежде всего король и император Карл I/V (1516–1556) и его наследник Филипп II (1556–1598), было покончить с присутствием мусульман-*морос* и, кстати, их сторонников из числа других «иноверцев», например иудеев. На это были направлены силы священной инквизиции, а также монаршие указы.

В XVI–XVII вв. *морос* выступают в испанской историографии и литературе как пестрая, разнородная масса, существенно различавшаяся в зависимости от района обитания [De Bunes Ibarra 1989: 111]. Как и в прошлом, этот термин в первую очередь применялся к жителям Берберии, особенно к обитателям ее городов, ставших основным пристанищем бежавших с полуострова под угрозой инквизиции *морисков*.

И сегодня на полуострове можно встретить *морос*, мнимых или реальных, вполне серьезно, без ажиотажа, воспринимаемых местными жителями. В портовых городах, особенно на юго-востоке Испании, на побережье бывшего Аль-Андалуса, маврами-*морос* нередко называют не только обосновавшихся здесь сегодня во множестве арабов или берберов из Магриба, но и выходцев из Черной Африки. Ведь африканцы, как известно, пришли на Полуостров гораздо раньше арабов, вероятно, еще с финикийцами (т.е. около трех тысяч лет назад). Правда, особенно много африканцев «всех мастей» пришли на полуостров с исламом. Из-

давна, еще с римской эпохи, всех африканцев в Испании также звали маврами, т.е. *морю*. Большинство темнокожих в Испании и в прошлом, и сегодня — это мусульмане из стран Северо-Западной Африки [Ланда 1993: 39].

Любопытно, что сегодня к *морю* могут относить себя и цыгане, особенно из южных районов, из когда-то арабских селений Андалусии. Местные цыгане здесь считаются, правда, не бесспорно, прямыми наследниками мавров, их песен, фольклора, в том числе знаменитого *фламенко*.

Ланда Р.Г. В стране аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993.

Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания: пер.с итал. СПб., 2007.

Клятва на мече. Испанский романсеро: пер. с исп. Л., 1991.

Рой Мартинс до Казал (XIII — нач. XIV в.) / пер. с порт.-галис. И. Чежеговой // Поэзия трубадуров. Антология галисийской литературы. СПб., 1995.

Yomt V.M., Какуа П. Мусульманская Испания. М., 1976.

De Bunes Ibarra Miguel Angel. La Imagen de los musulmanes y del Norte de Africa en la Espagna de los siglos XVI y XVII. Los caracteres de una hostilidad. Madrid, 1989.

Fanjul Serafin. Al-Andalus contra Espagna. La Forja del mito. Madrid, 2002.